

САМАРКАНДЪ.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ).

Глава I.

Исторія Самарканда.

— Давно, давно, въ то еще время, когда земля не видала тѣни Великаго Хозрета Искандера Зюлькарнайна, протекала по здѣшней долинь Согдъ рѣка Сіоба, всматриваясь задумчиво вдаль, рассказывалъ тихо старый узбекъ, ѣхавшій съ нами до Самарканда.

— Вездѣ здѣсь были огромные лѣса и ревъ Джуль барса лишь нарушалъ тишину ночей. Людей еще не было въ этомъ благословенномъ Аллахомъ уголкѣ земли. Но съ востока, изъ чужихъ далекихъ странъ, изъ-за горъ Памирскихъ пришелъ сюда со своими войсками Великій Батырь Афросіабъ и понравилось ему мѣсто на Сіобѣ; поставилъ онъ здѣсь свои кибитки и привольно на лугахъ стали пастись его многочисленныя стада. Наверху холма построилъ онъ свой крѣпкій замокъ, подъ защиту стѣнъ котораго стали собираться бѣдные люди со всѣхъ мѣстъ, и началось тогда славное царство.

— Долго царствовалъ Афросіабъ и не было царя сильнѣе его, но на западѣ уже явился на свѣтъ Божій Хозретъ Искандеръ и не хотѣлъ онъ, чтобы было на землѣ хоть одно царство, неподвласт-

ное ему. Собралъ онъ всѣ западные народы и пошелъ войною на Великій Согдъ. Не могъ сражаться съ Хозретомъ Батырь Афросіабъ и, когда Искандеръ пришелъ къ стѣнамъ крѣпости, онъ лишилъ себя жизни. А Хозретъ Искандеръ долго царствовалъ на Заравшанѣ, пока его не призвалъ Аллахъ къ себѣ, чтобы онъ служилъ ему вмѣстѣ съ Мусою и Магометомъ.

Такъ своеобразно закончилъ старикъ свой рассказъ, въ которомъ слышались отрывочныя свѣдѣнія о прошломъ этой страны.

Построенный, по преданію, полумифическимъ царемъ Афросіабомъ, Самаркандъ или Мараканда, дѣлается извѣстнымъ съ IV вѣка до Рождества Христова, когда богатства этого города привлекли къ нему вниманіе Александра Македонскаго, ведшаго въ это время войну съ персидскимъ царемъ Даріемъ Гистаспомъ. Многочисленная армія всемірнаго завоевателя, перейдя черезъ Аму-Дарью и взявъ Термезъ, черезъ годъ появилась подъ Самаркандомъ, который въ это время имѣлъ до 70 стадій окружности съ неприступною крѣпостью по срединѣ.

Владѣтель Согдіаны Спитаменъ слишкомъ надѣялся на свои силы, но судьба сказала раньше свое слово и, по прошествіи почти двухъ лѣтъ кровопролитной войны, Самаркандъ былъ во власти побѣдителя, наименовавшего его Маракандою. Густою волною лилась кровь непокорныхъ самаркандцевъ, смѣшиваясь съ водами быстрого Согда; страшно крутыми мѣрами добился Александръ покорности ихъ, казнивъ съ изумительною жестокостью болѣе 200.000 человекъ за это время...

Составляя вмѣстѣ съ прилегающей Бактріаною одно государство, Согдіана одно время была центромъ религіозной жизни персидской монархіи, а потому является отчасти понятнымъ упорное стремленіе къ завоеванію этой страны Искандеромъ и надо полагать, что завоеваніе ея, на что потребовалось время съ 329 по 327 годъ, было до крайности трудной операціей, потребовавшей огромнаго напряженія всѣхъ его силъ.

Завоевавъ Заравшанскую долину, а затѣмъ предпринявъ новый походъ на Сыръ-Дарью, Александръ въ общемъ прожилъ въ самомъ Самаркандѣ сравнительно недолго, но, несмотря на это, имя его и войны рѣзко запечатлѣлись въ памяти населенія, связывающаго съ нимъ почти каждое мѣсто въ нынѣшней Самаркандской области.

По смерти Александра, Самаркандъ вошелъ въ составъ Греко-Бактрійскаго, а затѣмъ и Индо-Парфянскаго государства, управляясь въ тоже время полунезависимыми правителями. Еще позднѣе тюркскія племена, появившіяся съ предгорій Тянь-Шаня, заняли всю Заравшанскую долину, образовавъ новое Туранское государство, во главѣ котораго стоялъ Тарханъ Великаго Согда, причеиъ тюркскій князь Маніахъ заключилъ даже союзъ съ Юстиніаномъ II, императоромъ Византіи.

Культурный ростъ этой страны и почти сказочное богатство населенія выдвинули ее постепенно изъ ряда остальныхъ среднеазиатскихъ государствъ и слава о богатствахъ Согда не могла не обратить на него вниманія воинственныхъ арабовъ, нападенію которыхъ въ это время уже подверглась часть Персіи. Арабскій полководецъ Сеидъ Бинъ-Османъ съ огромнымъ войскомъ въ 675 году двинулся на земли Великаго Согда и осадилъ Самаркандъ, который управлялся самостоятельнымъ Тарханомъ Самаркандскимъ. Стремительность нападенія и храбрость арабовъ способствовали быстрому завоеванію края, но, взявъ только богатую добычу, арабы возвратились въ Медину, не освободивъ при этомъ заложниковъ изъ самыхъ знатныхъ людей. Тюркскіе князья въ роскошной одеждѣ были приведены въ Медину, а затѣмъ превращены въ рабовъ Бинъ-Османа.

Но недолго продолжалось торжество побѣдителя; новые рабы, помнившіе время своего величія, неожиданно ворвались въ помѣщеніе, гдѣ пировалъ полководецъ и, несмотря на сопротивленіе, убили его и въ свою очередь, затѣмъ, были казнены халифомъ Уезидомъ. Но Самаркандъ оправился скоро отъ этого нашествія и снова закипѣла въ немъ жизнь, а населеніе, исповѣдывавшее буддизмъ, стало продолжать въ своихъ храмахъ моленіе Великому Буддѣ о защитѣ отъ такихъ нашествій.

Спокойная жизнь страны продолжалась недолго и въ 705 году арабскій полководецъ Кутейбе-бинъ Муслима подошелъ снова къ границамъ Согдіаны и, завоевавъ сосѣднюю Бухару, заключилъ союзъ съ Тарханомъ Самаркандскимъ.

Хитрый арабъ преслѣдовалъ свои цѣли и, пользуясь добродушіемъ тюрковъ, выговорилъ себѣ, какъ союзнику, разрѣшеніе жить въ городахъ Согда арабскимъ купцамъ, а затѣмъ и построить для нихъ въ самомъ Самаркандѣ особую мечеть. Ничего не подозревавшіе самаркандцы открыли городскія ворота и впустили четыре тысячи каменщиковъ-арабовъ для работъ по постройкѣ мечети.

Скрывъ подъ широкимъ платьемъ свое оружіе, подъ видомъ рабочихъ, вошло арабское войско въ городъ и по данному сигналу сначала перебило стражу у городскихъ воротъ, а затѣмъ кинулось по городу, избивая жителей и разрозненные, ничего не ожидавшіе, отряды войскъ. Самаркандъ былъ въ рукахъ побѣдителей. Долго продолжался грабежъ города, давшаго огромную добычу. Въ крѣпости былъ поставленъ арабами гарнизонъ и вся страна присоединена къ халифату, а дочь послѣдняго Сосанида Тархана Самаркандскаго Ездерджирда была послана въ подарокъ къ халифу Велиду вмѣстѣ съ золотыми идолами и сосудами, взятыми въ храмахъ, причемъ, какъ говоритъ преданіе, у одного изъ идоловъ вмѣсто глазъ были вставлены огромной величины жемчужины, которыя въ давнее время принесли въ Самаркандъ по приказанію самого Будды орель.

Отдаленность края отъ Медины и дальновидность государственной политики вызвали со стороны халифовъ введеніе особенностей въ его управленіе, вслѣдствіе которыхъ Тарханъ Самаркандскій былъ оставленъ номинальнымъ правителемъ страны, а въ помощь къ нему назначенъ былъ особый чиновникъ арабъ, бывшій въ дѣйствительности настоящимъ и полновластнымъ правителемъ страны.

Принявъ недавно магометанство, арабы всѣми силами начали распространять новое ученіе въ завоеванныхъ странахъ, исповѣдывавшихъ буддизмъ, парсизмъ и христіанство. Въ числѣ самыхъ главныхъ мѣръ было обращеніе храмовъ въ мечети и постройка новыхъ мечетей изъ роскошныхъ старыхъ дворцовъ, дававшихъ драгоценные матеріалы для этихъ построекъ. Не желавшіе принимать новое ученіе избивались, а представители туземной аристократіи силою загонялись въ мечети и силою же обращались въ магометанство.

Искусные зодчіе быстро возвели новыя мечети и передѣляли храмы, оставляя иногда въ неприкосновенности нѣкоторые предметы, долго затѣмъ напоминавшіе о прежнемъ буддизмѣ, въ видѣ массивныхъ воротъ и дверей храмовъ съ отлитыми на нихъ изъ мѣди и бронзы фигурами идоловъ, что встрѣчалось въ Самаркандскихъ мечетяхъ почти до XI столѣтія.

Населеніе, для котораго пришельцы арабы съ ихъ вѣроученіемъ и обычаями были слишкомъ чужды, роптало, а недовольные то и дѣло въ различныхъ мѣстахъ устраивали возстанія. Тюркскіе князья, кочевавшіе по Сырь-Дарьѣ, поддерживали это движеніе, постепенно охватившее всю страну.

Немного позднѣе многочисленная орда тюрковъ подошла къ Самарканду и послѣ кровопролитнаго сраженія, въ которомъ погибло болѣе 20 тысячъ арабовъ, Самаркандъ снова былъ взятъ приступомъ, а арабскія войска, потерпѣвъ полное поражение, очистили страну. Цѣлый рядъ походовъ, предпринятыхъ затѣмъ арабскими полководцами на земли Согда, ежегодно вносилъ разрушеніе и смерть и послѣ 25 лѣтъ почти непрерывныхъ набѣговъ въ 749 году Самаркандъ уже окончательно былъ присоединенъ къ халифату.

Но и послѣ населеніе не могло примириться съ суровыми приѣмами, которыми распространяли арабы свое вѣроученіе, и потоки крови постоянно, въ теченіе долгаго періода, орошали несчастную страну, упорно отстаивавшую свои вѣрованія, пользуясь для этого помощью тюркскихъ князей, кочевавшихъ по Сырь-Дарьѣ и въ теперешнемъ Семирѣчьи.

Въ правленіе Абу-Муслима особенно многочисленны были религіозныя движенія, изъ которыхъ какъ самое упорное и продолжительное должно быть отмѣчено возстаніе Маккона, доставившее въ особенности много хлопотъ арабамъ.

Войска Сефидджамегонъ, т. е. одѣтыхъ въ бѣлое—такъ звали послѣдователей Маккона за ихъ костюмы, осадили даже арабскій гарнизонъ въ Самаркандѣ, запершійся въ немъ вмѣстѣ съ полководцемъ Джебраиломъ. Помощь тюркскихъ князей долго поддерживала это движеніе, въ скрытомъ видѣ за тѣмъ существовавшее продолжительное время.

Всю эпоху до конца почти IX столѣтія приходится разсматривать какъ время, когда происходила страшная борьба между послѣдователями мусульманства—арабами и мѣстнымъ населеніемъ, отстаивавшимъ всѣми силами свои религіозныя вѣрованія.

Въ 874 году вступилъ на престоль эмиръ Измаиль, принадлежавшій къ дому Саманидовъ. Выдающіяся дарованія этого замѣчательнаго человѣка дали ему возможность приступить къ культурному преобразованію государства, причемъ, сознавая необходимость привлеченія въ разоренную страну возможно большаго количества населенія, онъ раньше всего приступилъ къ устройству ирригаціонной сѣти, путемъ какъ возобновленія разрушенныхъ системъ, такъ и проведенія новыхъ. Въ теченіе его 33-лѣтняго царствованія было возведено много общественныхъ зданій въ видѣ больницъ, мечетей и медресс.

Страна, постепенно успокоившись, снова достигла въ короткое время прежняго благосостоянія, хотя послѣ Великаго Измаила его потомки ничѣмъ не выдѣлялись, вынужденные вести постоянныя войны съ тюрками, съ замѣчательнымъ упорствомъ продолжавшими дѣло обратнаго завоеванія края.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря благопріятнымъ условіямъ, развивалось военное дѣло, которое даже приобрѣло преобладающее значеніе въ жизни страны при эмирѣ Абдуль-Маликѣ (954 г.), прозванномъ, за свое пристрастіе къ кавалерійскому дѣлу, Эбуль-Февари, т. е. отцомъ кавалеріи. Этотъ неугомонный витязь и наѣздникъ всю свою недолгую жизнь провелъ на конѣ, отражая нападенія сосѣдей и даже умеръ въ походѣ, упавъ съ лошади.

Въ 1004 году послѣдній Саманидъ, эмиръ Мансуръ, былъ убитъ, и на Самаркандскій престолъ вступилъ эмиръ Селджукъ, происшедшій изъ тюркской династіи.

Для европейцевъ долженъ быть особенно интересенъ тотъ фактъ, что большинство тюркскихъ племенъ исповѣдывало въ эту эпоху христіанство.

Тюркскія имена Муса, Юнисъ, Миномъ, Израиль были поголовно христіане, вслѣдствіе чего въ 1338 году тюркскіе офицеры-христіане прислали свою присягу папѣ въ Авиньонъ, давая клятву защищать святаго отца, а вмѣстѣ съ нимъ и христіанство.

Постепенно Самаркандское государство тюрковъ начинаетъ приобретать все большее значеніе и правитель его, принявъ титулъ великаго хакана Самаркандскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался властелиномъ всѣхъ тюркскихъ племенъ.

Послѣ смерти Селджука, а затѣмъ и Махмуда, ихъ преемникомъ дѣлается одинъ изъ замѣчательныхъ полководцевъ того времени Альпъ-Араслапъ, который своимъ военнымъ гениемъ быстро приобретаетъ особое значеніе и почти всемірную извѣстность, такъ какъ постоянныя походы и войны съ арабами и персами привели его къ берегамъ Ефрата, куда онъ неоднократно водилъ свои войска и, наконецъ, войдя въ соприкосновеніе съ далекой Византіей, столкнулся съ византійскими войсками подъ предводительствомъ византійскаго царя Романа-Діогена, котораго и разбилъ на голову. Современники, пораженные этими удачными походами, невольно преклонялись передъ этимъ государемъ, имя котораго ставили на ряду съ Искандеромъ и Ширъ-Али—Львомъ Божьимъ, племянникомъ пророка Магомета.

Глава II.

Туземный Самаркандъ.

Въ XII столѣтїи началось новое движеніе тюркскихъ племенъ, кочевавшихъ раньше въ Китаѣ; постепенно оттѣсня Селджуковъ въ долину Заравшана и ея окрестности, густой волной влилось за ними слѣдомъ новое тюркское племя Югуровъ, низложившихъ въ 1128 г. династію селджукидовъ и занявшихъ ихъ мѣсто.

Югурская династія, вышедшая изъ Кара-Китая (чернаго Китая или Манчжурїи), процарствовала почти сто лѣтъ и, не оставивъ особенно замѣтнаго слѣда въ исторїи страны, скоро принуждена была уступить мѣсто племени болѣе сильному. Но все же нельзя не отмѣтить, что земли великаго хакана Самаркандскаго на всемъ востокѣ начали прїобрѣтать снова извѣстность и славу самаго прелестнаго угла міра, а плодородіе страны и богатство ея населенія невольнo привлекали къ себѣ стремленія всѣхъ и ближайшихъ, и далекихъ сосѣдей. Не даромъ вездѣ всѣ народы называли Самаркандъ — жемчужиной Востока и слава объ его богатствахъ проникала до далекой родины югуровъ Китая, гдѣ кочевало многочисленное и воинственное племя узбековъ или такъ называемыхъ монголовъ, двинувшихся въ 1206 году, подъ предводительствомъ Чингисъ-хана, и разомъ наводнившихъ равнины Гоби, а затѣмъ укрѣпившихся въ крѣпости Каракорумъ, откуда началось постепенное покореніе турецкихъ племенъ.

Въ 1218 году огромная армія Чингисъ-хана, взявъ послѣ кровопролитныхъ штурмовъ г.г. Отраръ, Нуръ и Бухару, подошла къ Самарканду, въ которомъ въ это время былъ сосредоточенъ огромный гарнизонъ въ 110 тысячъ человекъ при 20 слонахъ, подъ начальствомъ Алпъ-хана.

Три дня послѣдовательно ходили войска Чингисъ-хана на приступъ крѣпкихъ стѣнъ Самарканда, овладѣвая постепенно высокими его башнями, но, отбиваемыя гарнизономъ, отступали. Лишь на третій день начался общій штурмъ, закончившійся взятіемъ крѣпости, и въ 1221 году самый цвѣтущій и прелестный уголокъ міра — Самаркандъ — былъ сравненъ съ землею, а всѣ жители, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, были безжалостно казнены.

Впослѣдствіи Самаркандъ былъ реставрированъ и снова сдѣлался значительнымъ городомъ. Совершенно покорившись и признавъ власть Чингисъ-хана, онъ вошелъ въ составъ новаго монгольскаго государства, сдѣлавшагося страшнымъ по своей силѣ, благодаря тому, что монголы обладали особыми качествами и, какъ говоритъ современникъ, были народомъ: плачущимъ на пирахъ, смѣющимся въ бою, довольнымъ холодомъ и голодомъ, неужержимымъ въ битвѣ, терпѣливымъ въ сраженіяхъ и слѣпо слѣдующимъ за своимъ предводителемъ.

Эпоха господства монголовъ должна быть особенно отмѣчена въ томъ отношеніи, что широкая вѣротерпимость была одной изъ главныхъ причинъ, вслѣдствіе которой раззоренный ими край снова привлекъ къ себѣ массу населенія, а Самаркандъ, благодаря центральности своего мѣстоположенія, постепенно опять приобрѣлъ свое прежнее значеніе.

Между тѣмъ мы подѣзжали все ближе и ближе къ Самарканду, казавшемуся издали огромнымъ лѣсомъ, среди котораго виднѣлись круглыя башни минаретовъ старинныхъ мечетей. Заравшанъ, разливаясь массою рукавовъ и журча своими водами среди луговъ, омывалъ древній городъ, давая ему жизнь.

Огромная арка полуразрушеннаго моста чернѣла на берегу. Это старый мостъ Тамерлана. Время пощадило въ назиданіе потомству остатки этого колоссальнаго сооруженія, приводящаго въ невольное изумленіе современныхъ строителей.

Линія желѣзной дороги протянулась по краю пригородныхъ кишлаковъ, своимъ видомъ рѣзко подчеркивая успѣхи, достигнутые русскими въ этомъ далекомъ краю.

Могучая растительность непроницаемую стѣною закрывала собою весь городъ и темная съ громадными растущими по обѣимъ сторонамъ деревьями улица тянулась отъ самаго вокзала желѣзной дороги, который прежде находился въ разстояніи 5 верстъ отъ города, а въ настоящее время почти уже вошелъ въ городскую черту. Красивая желѣзнодорожная церковь, больница и рядъ желѣзнодорожныхъ строеній непосредственно соприкасаются съ новою частью города, въ которой виднѣются склады транспортных конторъ, лавки и небольшіе домики обывателей, окруженные садами. Колоссальной мощности тополя и чинары красивыми аллеями стояли по сторонамъ улицы, которая шоссирована и этимъ самымъ напоминаетъ, что мы ѣдемъ по предмѣстью, а городъ еще не начинался.

Деревья какъ бы замыкають улицу, протянувшись отъ нея въ правую сторону—это Ивановскій паркъ, устроенный трудами бывшаго военнаго губернатора генерала Иванова. Далѣе начинается широкая улица Каты-Курганская, занятая сплошнымъ рядомъ русскихъ лавокъ и магазиновъ.

— Гдѣ, тюра, стоять будемъ? Въ русскомъ или сартовскомъ городѣ? приостановилъ свою лошадь Нуретдинъ на углу какой то широкой улицы.

— Конечно, въ сартовскомъ, рѣшилъ я. Русскій можно по-смотрѣть проѣздомъ.

Кауфманскій проспектъ и дальше площадь съ соборомъ и военнымъ собраніемъ, выдѣлявшимися среди густыхъ и развѣсистыхъ чинаровъ и карагачей, огромный и широкій Абрамовскій бульваръ мелькнули передо мною своими красивыми картинами. Весь городъ казался огромнымъ сплошнымъ садомъ, среди котораго видѣлись каменные и кирпичные одноэтажные дома русской постройки, придававшіе особый, донельзя своеобразный, видъ и дѣлавшіе его совершенно не похожимъ на города Европейской Россіи.

Арыки съ проточною водою журчали по обѣимъ сторонамъ улицъ. Длинные ряды казармъ остались сзади, и мы, проѣхавъ Абрамовскій бульваръ, подъѣхали къ крѣпости, высокіе валы которой выдѣлялись среди ровной поверхности.

— Здѣсь была старая ханская крѣпость, только отъ нея ничего не осталось, съ нѣкоторою ноткою грусти въ голосѣ сказалъ Нуретдинъ. Были прежде высокія стѣны, еще выше стояли ея башни, но не могли онѣ устоять противъ войскъ Акъ-Падишаха.... Потомъ русскіе всю старую крѣпость разрушили и построили свою, а рядомъ съ нею, вонъ тамъ виденъ памятникъ съ крестомъ; это могила тѣхъ бойцовъ, что сложили свои головы подъ ея стѣнами.

За русскою крѣпостью шель глубокій арыкъ, отдѣлявшій русскій городъ отъ туземнаго, и, какъ будто охраняя его надъ крутымъ обрывомъ, вырисовывалась крѣпость, господствовавшая надъ сартовскимъ городомъ.

Втянувшись въ узкую улицу, мы скоро остановились передъ воротами караванъ-сарая, широкой дворъ котораго весь занятъ былъ кипами съ товарами и лошадьми.

— Тутъ стоять будемъ, если хочешь, тюра, указаль Нуретдинъ, слѣзая съ лошади. Самый большой караванъ-сарай, пловъ хороший варять, тотчасъ рѣшилъ онъ, обнюхивая воздухъ, какъ хорошая гончая собака.

Наискось освѣщенные косыми солнечными лучами поднимались грандіозныя постройки старинныхъ медресе на площади Регистана; солнечные лучи скользили по цвѣтнымъ глазированнымъ изразцамъ и краски, какъ будто оживъ, казались совершенно свѣжими. Наклоненныя совершенно круглыя высокія башни, какъ громадныя свѣчи, украшали этотъ памятникъ старины. Далѣе видѣлся цѣлый рядъ мечетей, куполовъ, башенъ деревяннаго города, окруженныхъ моремъ новѣйшихъ построекъ съ земляными крышами—тѣсныхъ, уродливыхъ и скученныхъ. Будто крича своею новизною противъ пятисотлѣтней мечети, стояла мечеть, построенная недавно и раскрашенная вмѣсто изразцовъ масляными красками, удержавъ изъ старины лишь рисунокъ древняго художественнаго орнамента, имѣвшаго видъ сплошнаго, но крайне красиваго завитка, повторяющагося рѣшительно на всѣхъ предметахъ старины почти всѣхъ странъ, начиная съ египетскихъ саркофаговъ и кончая китайскою рѣзьбою по дереву.

Какой то тщедушный среднихъ лѣтъ сартъ, порядочно говорившій по-русски, пристроился ко мнѣ въ качествѣ путевода.

— Здѣсь смотрѣть не стоитъ, указалъ онъ на ярко раскрашенную мечеть и презрительно повелъ плечами. Десять лѣтъ тому назадъ построили. Надо посмотрѣть мечеть Гурь-Эмиръ Шахъ-Зинда и потомъ Биби-Ханымъ, да еще медресе на Регистанѣ и могилу святого Даниара (Данила). Остальное смотрѣть не стоитъ. Все это великій эмиръ Тимуръ строилъ..., съ оттѣнкомъ глубокаго почтенія добавилъ онъ.

Эмиръ Тимуръ, какое славное для Средней Азіи и какое страшное для европейцевъ имя! Невольно въ памяти всталъ образъ суроваго всемірнаго завоевателя, такъ хорошо знакомаго и русскимъ, все разрушавшаго на пути своихъ завоеваній, уничтожившаго сотни тысячъ людей и сметавшаго съ лица земли города и села, и цѣлыя государства. И вдругъ онъ же въ своемъ Самаркандѣ и цѣлой странѣ конституціонный монархъ, созидатель и человекъ высоко культурный. Внушенное съ дѣтства, по учебнику исторіи Иловайскаго, представленіе о немъ какъ то плохо вязалось съ истинной дѣйствительною фигурой этого великаго государя-реформатора, отличавшагося изумительною вѣротерпимостью, любовью къ прекрасному, благородному и справедливому, оставившему въ исторіи страны яркій слѣдъ своею культурною дѣятельностью и знаменитымъ до сихъ поръ Тюцикатомъ Тимуръ (т. е. уложеніе, законы Тимура).

Возвысившись изъ ряда простыхъ бековъ и достигнувъ престола, эмиръ Тимуръ въ 1333 году взялъ Самаркандъ, а въ 1369, объявивъ себя эмиромъ Туркестана, сдѣлалъ солнечный городъ своею резиденціей; завоевывая постепенно всѣ страны на западъ, сѣверъ, югъ и востокъ онъ каждое завоеваніе, каждое большое сраженіе, отмѣчалъ постройкою въ Самаркандѣ величественнаго архитектурнаго памятника. Для этой цѣли лучшіе мастера Индіи, Персіи и Дамаска, а также китайскіе и европейскіе, считаясь самою драгоценною частью въ добычѣ завоевателя, привозились въ Самаркандъ, гдѣ, получая средства къ жизни и удобства, работали надъ созданіемъ этихъ построекъ; благодаря подобной системѣ, Самаркандъ скоро превратился въ одинъ изъ міровыхъ культурныхъ центровъ, гдѣ, спустя 200 лѣтъ послѣ смерти Тимура, все еще были замѣчательные зодчіе, художники и люди чистой науки, а самый Самаркандъ былъ при немъ несравненно больше Севильи во времена ея полного расцвѣта, славясь также своею замѣчательною бібліотекою, которую Тимуръ перенесъ изъ Бруссы.

Путешественникъ Гонзаго де Кловихо, посѣтившій Самаркандъ, съ восторгомъ сообщаетъ о красотѣ и богатствѣ этого славнаго города, нынѣ сыгравшаго уже свою историческую роль. Окруженный богатою растительностью, со сказочно-красивыми дворцами, городъ этотъ, подъ лучами южнаго солнца, производилъ, вѣроятно, огромное впечатлѣніе на европейцевъ въ то время; видя теперь лишь развалины старыхъ построекъ, по ихъ красотѣ невольно начинаешь уяснять себѣ все архитектурное значеніе этого мѣста, къ поддержанію котораго, къ глубокому сожалѣнію, почти не принимается никакихъ мѣръ, и въ своемъ родѣ уника архитектурнаго творчества, постепенно разрушаясь, обращаются въ безформенныя груды развалинъ, расхищаемыя туземцами же на свои постройки.

Поднимаясь надъ большимъ густымъ садомъ, въ самомъ концѣ города, красиво виднѣется мазаръ Шахъ-Зинда. Высокій портикъ надъ воротами, соединяясь съ куполами, закрываетъ собою широкую каменную лѣстницу. Подъ воротами масса сидящаго народа.

Мой проводникъ, слѣдуя шагъ за шагомъ, указываетъ на сѣдобородаго старика: здѣшній Мутовали—онъ тутъ всѣми завѣдуеть.

Я пожимаю протянутыя руки и уже въ сопровожденіи Мутовали поднимаюсь по лѣстницѣ, по сторонамъ которой виднѣется цѣлый рядъ сидящихъ на ступенькахъ нищихъ, дервишей и муллъ.

Огромный куполь съ арками уже потерялъ свою облицовку и задѣланъ мѣстами алебастромъ; лѣстница имѣетъ площадки. Стѣны

всѣ выложены цвѣтными изразцами преимущественно голубого и синяго цвѣта.

— Когда это построено, вѣроятно, знает почтенный Мутовали?...

— Да, таксырь! Шахъ-Зинда построена эмиромъ Тимуромъ надъ могилой меньшаго двоюроднаго брата пророка Магомета Куссума, сына Абаса; тамъ наверху его могила, здѣсь же похоронены сестры и жены великаго Тимура. Говорятъ, что строили всю Шахъ-Зинда больше 50 лѣтъ и были здѣсь собраны мастера со всего свѣта.

Являясь старѣйшею по времени постройкою, Шахъ-Зинда, состоящая изъ нѣсколькихъ мазаровъ и мечетей, соединенныхъ между собою лѣстницами и переходами, окружена со всѣхъ сторонъ кладбищами и представляетъ собою какъ бы центръ этого города мертвыхъ, раскинушагося на огромномъ пространствѣ.

Красивой легкой постройки мечети и мазары примыкаютъ къ проходу. Отдѣлка колоннъ, стѣнъ, карнизовъ цвѣтными глазурованными кирпичами составляетъ собою замѣчательную картину и даетъ полное представленіе о той художественной работѣ, которая еще въ большей своей части сохранилась въ этомъ замѣчательномъ зданіи. Крайне своеобразная орнаментика и изразцовыя украшенія заставляютъ невольно долго останавливаться передъ этой поразительной художественной законченностью. Нѣжные мягкіе тона красокъ подобраны съ замѣчательнымъ вкусомъ; мотивы лиственные, травяные, цвѣточные, геометрическіе, перепутанные мѣстами съ надписями на арабскомъ языкѣ и различными узорами, проходятъ передъ глазами.

Въ мазарахъ по нѣсколько надгробій и снова рядъ надписей съ именами лицъ, нашедшихъ здѣсь вѣчный покой. Передъ нѣкоторыми мазарами совершенно невольно останавливаешься, поражаясь замѣчательной красотой рельефныхъ, въ видѣ кружева, цвѣтныхъ узоровъ, то спускающихся длинными лентами по фасаду, то украшающихъ его чашами, звѣздами и другими украшеніями изъ цвѣтныхъ же изразцовъ.

Массивныя темныя орѣховыя двери, покрытыя тончайшей рѣзбой, какъ паутиною, ведутъ въ усыпальницу Куссума, являющуюся одною изъ главныхъ святынь мусульманъ Средней Азіи. Сами по себѣ двери эти представляютъ собою настолько художественное произведеніе, что вызываютъ невольное удивленіе.

Въ бѣлыхъ рубахахъ, забрызганные известью, тутъ же работаютъ двое русскихихъ.

— Художникъ N, рекомендуется одинъ изъ нихъ, знакомясь со мною. Это мой помощникъ; по порученію музея Императора Александра III снимаю здѣшніе орнаменты. Теперь работа уже почти къ концу идетъ. Хорошо, что хватились все это снять, а то эти образцы стариннаго зодчества пропали бы безслѣдно. Видите, какъ все здѣсь разрушается и временемъ и людьми. А ужъ люди расхищаютъ все безжалостно, то растаскивая, несмотря на запрещеніе, на постройки, то продавая въ музеи. Строитель всего этого, Тимуръ, перевернулся бы, навѣрное, въ своей могилѣ, если бы зналъ о судьбѣ, постигшей его творенія.

— Да, тюр, правъ, задумчиво заговорилъ Мутовали, прислушавшійся къ словамъ художника. Память великаго Тимура не сохраняется какъ бы это слѣдовало въ особенности здѣсь, гдѣ онъ жилъ долгое время въ Ханокѣ Туманъ-оки, наблюдая за постройкой мечети Биби-Ханымъ. И духъ его носится надъ Шахъ-Зинда и всѣмъ Самаркандомъ, не находя себѣ покоя и видя, какъ разрушаются эти зданія, въ которыя онъ вкладывалъ свою душу.

Я невольно обратилъ вниманіе на рядъ какихъ то сложныхъ орнаментовъ.

— Представьте себѣ, это, какъ оказывается, гербы самураевъ. Японскій майоръ Фукушима, посѣтившій Самаркандъ лѣтъ десять тому назадъ, говорятъ, даже называлъ японскія фамиліи, которымъ они принадлежать.

Полумракъ въ мечети и тишина располагали къ молитвѣ и длинный рядъ молящихся видѣлся, будто каменные изваянія.

Огромная, чуть не въ сажень величины, книга лежала на особой подставкѣ.

— Это Коранъ Омара, указалъ Мутовали, т. е. вѣрнѣе копія его; подлинную книгу увезли русскіе въ Петербургъ въ свою бібліотеку; наши же муллы по своему корыстолюбію продали ее генералу Абрамову за сто рублей.

Съ верхней площадки видѣлось необозримое кладбище, бѣлѣвшее надмогильными памятниками и мазарами.

— Вонъ тамъ стояла старая крѣпость, построенная Афросіабомъ, указалъ Мутовали; здѣсь же на мѣстѣ Шахъ-Зинда говорятъ раньше стоялъ храмъ, въ которомъ люди поклонялись всеочищающему огню. Есть у насъ древняя книга, Шахнаме называется; въ ней все рассказано, какъ царь Афросіабъ воевалъ и про всѣхъ его полководцевъ тоже написано.

Я невольно вспомнилъ войну Турана съ Ираномъ и героевъ Рустема и Зораба, подвигами которыхъ восторгался въ дѣтствѣ.

Среди площади, окруженная моремъ лавокъ и караванъ-сараявъ, величественно возвышается развалина главной Самаркандской мечети Биби-Ханымъ. Огромная полуразрушенная арка у входа и двѣ мечети по бокамъ окружаютъ внутренній дворъ, среди котораго поднимается соборная мечеть, имѣющая видъ многоугольника, на которомъ съ помощью барабана утвержденъ колоссальный куполъ, частью уже обрушившійся, съ двумя высокими минаретами по бокамъ. Все вокругъ усеяно обломками цвѣтныхъ изразцовъ, которые еще мѣстами уцѣлѣли на стѣнахъ. Громадной величины надпись красиво извивается подъ куполомъ, а внизу разросшійся заброшенный садъ прикрываетъ колодезь и колоссальныхъ размѣровъ мраморную подставку, на которую клался Омаровъ Коранъ при чтеніи.

Картина разрушенія здѣсь особенно сильна. Люди уже оставили эту мечеть на произволъ судьбы и вездѣ видно страшное запустѣніе.

— Дальше надо посмотрѣть медресе, которыя на Региставѣ.

Мы остановились передъ огромнымъ зданіемъ, расцвѣченными глазурованными изразцами; это была самая большая медресе Улугъ-бека, внука Тимура, построенная въ 1420 году. Имя этого славнаго государя, принявшаго отъ своего знаменитаго дѣда построенныя имъ сооруженія, продолжавшаго ихъ и покровительствовавшаго наукѣ, невольно встаетъ въ памяти. Пользуясь въ свое время огромною популярностью среди своихъ современниковъ, эмпръ Улугъ-бекъ принадлежалъ самъ къ числу весьма образованныхъ людей своего времени и при немъ въ особенности засіяла слава Самарканда, сдѣлавшагося одно время центромъ учености не только Азіи, но и Европы.

Создавъ замѣчательную картинную галерею (Чини-хана), Улугъ-бекъ особенно интересовался астрономіей и построилъ огромную обсерваторію; при немъ самаркандскіе астрономы Казизаде-Руми, Гаясь-Эддинъ, Жемидъ и Селахъ-Эддинъ приобрѣли всемірную извѣстность своими работами; они вмѣстѣ съ ученикомъ Али-Кужджи провѣрили таблицы Птолемея и вычислили новыя, такъ называемыя, Керекенскія или Улугovy таблицы, имѣющія значеніе въ астрономіи и по настоящее время.

Арабскій авторъ Эбу-Ригонъ Эль-Бируни, единственный критическій изслѣдователь Средней Азіи древняго періода, сообщая о высокой культурѣ, указываетъ, что Самаркандскій солнечный ка-

лендарь былъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ вычисленія европейцевъ того времени.

Поднявшись вверхъ на одинъ изъ трехъ тонкихъ наклонныхъ минаретовъ, стоявшихъ по угламъ медресе, мы вышли на площадку, откуда открывался видъ на Самаркандъ и сбоку виднѣлись двѣ почти такой же вышины медресе Шихъ-Даръ и Тиля-кари, сооруженныя въ 1618 г. Ялангъ-Аталыкомъ.

Огромный фасадъ, расцвѣченный изразцами, съ колоссальною нишею по срединѣ, поднимался напротивъ. Внутри открывался широкой дворъ, окруженный двухъэтажными крыльями зданій, въ которыхъ до сихъ поръ помѣщаются аудиторіи, живутъ учащіеся и учителя.

— Здѣсь когда-то жили и знаменитые астрономы, наблюдавшіе небесныя свѣтила, указалъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ.

Внизу вся площадь, покрытая маленькими лавками и толпившейся массою народа, была своеобразно красива. Сказочники, пѣвцы, дервиши, предсказатели, цирульники виднѣлись вездѣ, окруженные толпою, которая, одѣтая въ яркія цвѣта, казалась огромнымъ шумнымъ цвѣтникомъ. Вдали были видны безчисленные ряды туземныхъ лавокъ...

Интересныя раскопки древней обсерваторіи Улугъ-бека намъ удалось осмотрѣть мимолетно.

Построенная въ XV вѣкѣ, эта обсерваторія была одною изъ величайшихъ въ мірѣ, имѣя гномонъ радіусомъ до 180 футовъ длины. Мѣсто нахожденія ея до сихъ поръ было неизвѣстно и лишь три года тому назадъ при разборкѣ древнихъ документовъ удалось найти въ нихъ указанія; лѣтомъ 1908 г. В. Л. Вяткинъ произвелъ раскопки и имъ были открыты остатки обсерваторіи въ видѣ двухъ слегка изогнутыхъ барьеровъ длиною 13 саж., обдѣланныхъ мраморомъ, со ступенчатою лѣстницею, ведущею внизъ.

Раскопки еще не окончены и обѣщаютъ много интереснаго, хотя, къ сожалѣнію, пока еще не найдено никакихъ слѣдовъ астрономическихъ инструментовъ.

Глава III.

Русская крѣпость и городъ.

Русская крѣпость, построенная на мѣстѣ старой бухарской, была видна какъ на ладони.

Когда-то на этомъ же мѣстѣ возвышалась твердыня, построенная еще Туранскими государями, и на воротахъ этой крѣпости кра-

совалась надпись, сдѣланная на древнемъ зендскомъ языкѣ и уцѣлѣвшая отъ домонгольскаго періода, но потомъ уничтоженная пожаромъ. Любопытная подробность эта подтверждается не одними арабскими источниками, но и византійскимъ посланникомъ Земахомъ, посѣтившимъ дворъ Самаркандскаго князя въ VI вѣкѣ, но, къ несчастію, по словамъ Вамбери, «христіанское невѣжество и греческая гордость помѣшали тому, чтобы это путешествіе было на пользу науки, а потому и свѣдѣнія объ этомъ времени крайне сбивчивы и отрывочны. Лишь въ Шахнаме есть указаніе, что туранцы, жившіе въ Самаркандѣ, были идолопоклонники и одинъ изъ идоловъ стоялъ, возвышаясь по срединѣ крѣпости, а царь Самаркандскій назывался Пегу Незадъ, т. е. родомъ изъ Пегу (Тибета).

Въ срединѣ старой крѣпости помѣщался большой зеленый камень, называвшійся Кокъ-ташъ, причемъ, какъ говоритъ преданіе, камень этотъ привезенъ былъ изъ Тибета, а затѣмъ долгое время служилъ эмирамъ Бухары для объявленія съ него народу о своемъ вступленіи на престолъ.

Хромоногій старикъ-аксакалъ коннаго базара мулла Ахметъ, пришедшій съ нами вмѣстѣ въ медресе, присѣвъ на парапетъ, смотрѣлъ на открывавшуюся передъ нами русскую крѣпость.

— Помнишь ли, старикъ, прежнюю бухарскую крѣпость?

— Помню, тюр, какъ будто еще вчера видѣлъ башни ея. Вѣдь я, тюр, былъ также, когда русскіе брали Самаркандъ, словоохотливо отвѣтилъ старикъ. Теперь уже вся мѣстность такъ измѣнилась, что и не узнаешь.

Почти сорокъ лѣтъ тому назадъ вызывающій образъ дѣйствій бухарскаго эмира на нашей пограничной линіи понудилъ принять рѣшеніе включить Самаркандъ въ число русскихъ владѣній, чтобы разъ навсегда заставить бухарцевъ признать силу русскаго оружія и прекратить разбойничьи нападенія бухарскихъ шаекъ, переходившихъ Сыръ-Дарью и даже бродившихъ около Ташкента.

Послѣ ряда мелкихъ стычекъ около Джизака, 13-го мая 1867 года генераль-адъютантъ Кауфманъ, сформировавъ значительный отрядъ, двинулся къ Самарканду. Авангардомъ командовалъ полковникъ Петрушевскій.

Въ это время на лѣвомъ берегу Заравшана бухарскій эмиръ уже успѣлъ сосредоточить до 40 тысячъ своихъ войскъ и, хотя онъ одновременно съ тѣмъ выслалъ своего посла Неджимъ-Эддина съ мирными предложеніями, но такъ какъ это была лишь хитрость, то,

испытавъ уже не разъ вѣроломство бухарцевъ, генераль-адъютантъ Кауфманъ рѣшилъ разомъ окончить эту недобросовѣстную игру.

Весь русскій отрядъ состоялъ изъ 21^{1/2} ротъ пѣхоты, 16 орудій, ракетнаго дивизиона и 4^{1/2} сотенъ казаковъ, всего около 8 тысячъ человекъ. Бухарская армія, занявъ позицію за рѣкою, открыла страшный огонь по начавшимъ переправляться русскимъ стрѣлкамъ и линейцамъ. По грудь въ водѣ, увязая въ топкой почвѣ, несмотря на потери, шли русскіе баталіоны, переходя рѣку и выбивая штыками засѣвшихъ бухарцевъ, которые начали тогда спѣшно отступать къ горамъ, бросая оружіе. Но жители Самарканда, боясь грабежа, могущаго начаться при отступленіи бухарской арміи, совершенно неожиданно закрыли переднія ворота города, а затѣмъ выслали депутацію изъ аксакаловъ и почетныхъ лицъ съ предложеніемъ сдать городъ на милость побѣдителямъ.

Принявъ предложеніе, генераль Кауфманъ 14-го мая, во главѣ своихъ войскъ, торжественно вступилъ въ Самаркандъ, объявилъ его русскимъ владѣніемъ и обратился къ жителямъ со слѣдующей прокламаціею: «Да будетъ извѣстно каждому изъ мирныхъ жителей Самарканда и всѣхъ кишлаковъ, что войска бухарскія разбиты войсками Бѣлаго Царя за свою дерзость и обиду жителямъ. Пусть нынѣ жители живутъ на своихъ мѣстахъ и занимаются своимъ дѣломъ и пусть молятся за здоровье Бѣлаго Царя. Страшныя врагамъ войска моп не обижаютъ жителей. Бухарскій же эмиръ поспѣшно бѣжалъ въ Кермине».

— Да, тюра, у насъ было написано въ старыхъ книгахъ, что Самаркандъ уже разъ былъ взятъ Хозретомъ Искандеромъ Зюлькарнайномъ, положившимъ заклятіе, что только Искандеръ можетъ взять царственный городъ второй разъ. И это пророчество исполнилось: русскія войска Императора Искандера снова взяли Самаркандъ, а затѣмъ и построили свою крѣпость, заговорилъ снова старикъ. Но все же Аллаху было угодно, чтобы стѣны старой крѣпости передъ своимъ разрушеніемъ слышали бы еще разъ звонъ мечей и видѣли бы кровь. Помню, какъ сейчасъ, ушли войска урусовъ къ Каты-Кургану, а въ крѣпости остались одна-двѣ роты солдатъ и въ это время собрались шахрисябцы и осадили крѣпость; но и тутъ не удалось имъ ничего сдѣлать потому, что давно уже было все предопредѣлено судьбою.

Въ исторіи завоеванія края этотъ эпизодъ особенно интересенъ. Когда русскія войска, подъ командою генерала Головачева, двинулись далѣе для преслѣдованія разбитой арміи эмира къ Каты-

Кургану, въ Самаркандѣ былъ оставленъ небольшой гарнизонъ подъ командою маіора Штемпеля, состоявшій почти исключительно изъ раненыхъ, слабосильныхъ и нестроевыхъ, въ числѣ 685 человекъ. Давно поджидавшіе времени, когда можно будетъ вмѣшаться и напасть на русскихъ, враждебно настроенные духовенствомъ шахрисябскіе беки перешли хребетъ Аксаль-тау, отдѣлявшій ихъ владѣнія отъ Самарканда, объявили священную войну противъ русскихъ, неожиданно подошли къ городу и осадили русскій гарнизонъ.

Критическое положеніе русскаго отряда, казалось, должно было закончиться его неминуемой гибелью. Съ 12-го по 18-е іюня, поставивъ всѣхъ могущихъ держать въ рукахъ оружіе въ строй, отражалъ приступы храбрый маіоръ Штемпель. День и ночь изнуряя гарнизонъ, шла упорная осада, причемъ уже непріятель успѣлъ сжечь деревянныя крѣпостныя ворота и сдѣлать брешь въ стѣнѣ. Но потерявъ 49 убитыми и 172 человекъ ранеными, все же продержались русскіе до прихода генерала Кауфмана. Въ этой осадѣ отличился въ свое время прапорщикъ Верещагинъ, заслужившій своею храбростью при отраженіи бухарцевъ орденъ св. Георгія, причемъ совершенные имъ подвиги описаны въ нижеслѣдующихъ выраженіяхъ:

«Имѣю честь донести вашему высокоблагородію о подвигѣ прапорщика Верещагина, который, видя критическое положеніе гарнизона, добровольно сталъ въ ряды его защитниковъ, раздѣляя всѣ труды и опасности въ продолженіе 8-ми-дневной осады г. Самарканда. Прапорщикъ Верещагинъ съ ружьемъ, какъ истинный русскій солдатъ, съ перваго часа боя и до послѣдней минуты служилъ великимъ примѣромъ для части, гдѣ находился. Участвуя во всѣхъ вылазкахъ и будучи всегда впереди, онъ пріобрѣлъ общую любовь и безпредѣльную преданность солдатъ. 2-го числа, какъ только начался штурмъ, онъ неутомимо и храбро дрался до послѣдней минуты отраженія непріятеля, подвергая себя неоднократно явной опасности. 3-го числа цитадель и честь нашего оружія спасена благодаря рѣшительности и геройскому подвигу прапорщика Верещагина. Когда въ 11-мъ часу дня непріятель большою массою своихъ силъ приблизился къ воротамъ и повелъ атаку, кинувшись на орудія, быстро раззоря нашу земляную батарею, чтобы прорваться въ цитадель, успѣлъ занять всѣ сакли и началъ обстрѣливать вдоль улицъ, гдѣ находились войска, защищавшія ворота,

прапорщикъ Верещагинъ, несмотря на градъ камней и убійственный ружейный огонь, видя критическую минуту, одинъ съ ружьемъ въ рукахъ бросился впередъ на непріятеля. Солдаты, увлеченные этимъ геройскимъ подвигомъ, послѣдовали за нимъ. Подобный подвигъ и самоотверженіе прапорщика Верещагина удержали непріятеля ворваться въ цитадель и тѣмъ избавили весь гарнизонъ отъ тѣхъ горькихъ послѣдствій, которыя можно было ожидать, если бы непріятель достигъ своей цѣли.

Представляя вашему высокоблагородію подвигъ прапорщика Верещагина, прошу ходатайства вашего о награжденіи его орденомъ св. Георгія, какъ вполнѣ имъ заслуженнаго».

И сослужили послѣдній разъ старыя стѣны бухарской крѣпости службу русскимъ войскамъ, а затѣмъ крѣпость была разрушена и построена на ея мѣстѣ новая, отвѣчавшая современнымъ требованіямъ, а изъ Самаркандскаго бекства и его окрестностей былъ образованъ въ началѣ Заравшанскій округъ, а позднѣе Самаркандская область.

Имена Кауфмана, Головачева, Штемпеля, Иванова и графа Ростовцева, бывшихъ начальниками округа и области, не должны быть забыты, вслѣдствіе ихъ выдающейся дѣятельности по устройству и управленію новымъ краемъ.

Къ числу этихъ именъ слѣдуетъ также присоединить и имя перваго русскаго изслѣдователя Самарканда и его окрестностей маіора Бутенева, вмѣстѣ съ Яковлевымъ и Леманомъ въ 1840 г. побывавшихъ въ Заравшанской долинѣ и составившихъ ея описаніе при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ еще во время бухарскаго владычества, за 27 лѣтъ до завоеванія Самарканда, когда Бутеневъ, посланный въ качествѣ русскаго уполномоченнаго, довольно долгое время жилъ въ этомъ городѣ и, благодаря своей настойчивости и смѣлости, успѣлъ побывать въ ближайшихъ къ нему мѣстахъ, изслѣдовавъ часть горъ Аксаль-тау.

Среди густой растительности садовъ невдалекѣ отъ Абрамовскаго бульвара находится мѣсто вѣчнаго упокоенія великаго эмпра Тимура, по справедливости называемаго мусульманами Хозретомъ, т. е. святымъ.

Красивая мечеть съ дворомъ, окруженная портиками и полуразрушенною стѣною, поражаетъ своею художественною законченностью, и, надо признать, что, построивъ ее незадолго до своей смерти, Тимуръ воздвигъ себѣ замѣчательный памятникъ; и понынѣ

мавзолей Гурь-эмиръ (Тимура) принадлежит къ числу лучшихъ сооружений этого государя. Высокое главное зданіе, имѣя форму удлиненной четырехугольной призмы, увѣнчано барабаномъ, на которомъ поставленъ колоссальный граненый съ голубою облицовкою куполь.

Внутри обширнаго помѣщенія, напоминающаго въ общемъ фигуру креста, уходитъ въ громадную высоту куполь, украшенный сталактитами; панель, шириною въ сажень, выложена сердоликомъ съ рѣзными на ней надписями и украшениями. Съ трехъ сторонъ примыкають другія пристройки съ двумя легкими арками. Красота купола такая, что вызываетъ невольное восхищеніе. Широкая лѣстница, освѣщенная древними свѣтильниками, ведетъ въ глубину склена, сложеннаго изъ изумительной крѣпости сѣроватаго кирпича, поднимающагося въ видѣ сводовъ; въ центрѣ подземелья находится большой саркофагъ, сдѣланный изъ нефрита и богато украшенный рѣзбою и надписями.

Нѣсколько человѣкъ шейховъ наблюдаютъ за этимъ мѣстомъ, слѣдятъ за огнемъ въ свѣтильникахъ и, собирая доходъ съ посѣтителей, поддерживаютъ въ порядкѣ эту мусульманскую святыню.

Полная тишина царствовала въ подземельѣ, гдѣ лежали бранные останки того, кто повелѣвалъ полуміромъ, уничтожая какъ ураганъ въ одномъ мѣстѣ всю жизнь и созидая въ другомъ цвѣтущее и культурное государство.

Древній старикъ, стоявшій въ углу на колѣняхъ, пробормоталъ что-то, непріязненно обернувшись къ намъ, когда мы поднялись наверхъ.

— Что онъ говоритъ? заинтересовался я.

— Такъ, не хорошо говорить, политично отвѣтилъ проводникъ. Старый человѣкъ—какъ маленькій. Слабый его разумъ не можетъ управлять языкомъ.

— Но что же онъ говоритъ?

— Не хорошо. Сказалъ: будетъ время, встанетъ великій эмиръ и прогонитъ гауровъ изъ Самарканда. Только это неправда, поспѣшилъ извиниться переводчикъ. У русскихъ денегъ много. И онъ умильно посмотрѣлъ на меня, ожидая подачки.

— Теперь все уже видѣли, можно будетъ ѣхать завтра съ утра? спросилъ Нуретдинъ.

— Да, пораньше выѣдемъ. Кстати еще посмотримъ, что попадется по дорогѣ; къ вечеру до Даула доберемся.

Глава IV.

Самаркандскія святыни.

— Здѣсь, тюра, мазаръ и мечеть стоятъ надъ могилой Хозрета Даниара, указаль Нуретдинъ на темное зданіе, виднѣвшееся на небольшомъ возвышеніи. Хозретъ Даниаръ (Данииль) много заслужилъ передъ Аллахомъ и поэтому Аллахъ запретилъ его тѣлу разрушаться. И въ своей могилѣ Даниаръ растеть.

— Какъ растеть? удивился я.

— Да, тюра, каждый годъ онъ все больше и больше дѣлается; теперь говорятъ, уже въ немъ аршинъ 30 будетъ.

Масса бунчуковъ съ конскими хвостами и знаменъ была поставлена при входѣ и вокругъ могилы, на которой построено длинное надгробіе со слѣдами недавней кладки.

Нѣсколько муллъ поспѣшило намъ навстрѣчу.

Ни самое надгробіе, ни зданіе ничего замѣчательнаго собою не представляли.

Мы двинулись дальше, немного разочарованные.

Окрестности Самарканда были покрыты засѣянными полями, но того великолѣпія растительности, о которомъ сообщаютъ арабскіе географы, уже не встрѣчалось. Довольно значительныя низменности, покрытыя болотами, вполнѣ подтверждали, что мѣстность вокругъ сильно малярійная.

— Вонъ тамъ, тюра, въ тѣхъ горахъ, люди говорятъ, очень давно былъ городъ, въ которомъ жили Руми (романцы европейцы), вѣрили они въ пророка Ису, какъ и урусы. Тамъ показываютъ мѣста, гдѣ стояла ихъ буда-хана (церковь), только ничего не осталось отъ нея.

Настойчивость христіанской проповѣди апостоловъ и учениковъ Христа не останавливалась ни передъ какими трудностями, встрѣчавшимися на пути. Ни зной, ни пустыни, ни бѣдность, ни муки, не могли служить преградою для преданныхъ ученію Его первыхъ послѣдователей и Средняя Азія, какъ говоритъ преданіе, увидѣла св. апостола Өому съ посохомъ въ рукахъ, одѣтаго въ рубище, но сильнаго духомъ и бодро ступающаго по раскаленнымъ пескамъ средне-азіатскихъ пустынь. Не только жители Заравшанской долины, которую посѣтилъ апостоль, но и земли Китайскаго Туркестана до самаго далекаго Китая посѣтилъ этотъ великій учитель, проповѣдуя слова любви, милости и правды.

Исканіе истины и стремленіе къ ея познанію привлекли къ новому ученію цѣлый рядъ послѣдователей, и христіане въ первые два вѣка по Рождествѣ Христовомъ встрѣчались почти во всѣхъ городахъ Средней Азіи.

Немного позднѣе возникъ въ Византіи въ христіанской церкви расколъ, созданный ученіемъ Несторія. Многочисленность послѣдователей этого ученія, обиліе всякихъ сектъ, появившихся въ христіанствѣ, и боязнь за чистоту ученія, могущаго подвергнуться искаженіямъ, создали такое положеніе, что ученіе Несторія было признано ересью и осуждено на Вселенскомъ Соборѣ, а его послѣдователи подверглись безпощаднымъ гоненіямъ и принуждены были искать новыхъ мѣстъ для жизни, могущихъ дать имъ возможность свободно исповѣдывать свое вѣроученіе. Слава о богатыхъ земляхъ Великаго Согда гремѣла на всемъ Востокѣ, а вѣротерпимость его правителей служила ручательствомъ за спокойную жизнь. И постепенно на Заравшанъ потянулись переселенцы-несторіане, встрѣчая широкое гостепріимство и, образовавъ рядъ христіанскихъ общинъ, селились въ Заравшанской долинѣ, получивъ отъ аборигеновъ страны названіе Кешъ-Кушанъ, т. е. странниковъ.

Постепенно притокъ христіанъ увеличивался и уже въ концѣ III вѣка около Самарканда появился христіанскій городъ Зердегидъ, а къ V и VI вѣку появились церкви и въ самомъ Самаркандѣ, въ которомъ жилъ христіанскій епископъ. Арабы застали въ Самаркандѣ значительное число христіанъ, отличавшихся богатствомъ и пользовавшихся большимъ уваженіемъ.

Поднявшись на холмъ, мы увидѣли весь Самаркандъ, утонувшій въ морѣ растительности и лишь древнія мечети, доставившія въ прошломъ такую славу городу, выдѣлялись на темномъ ея фонѣ.

Старый Семезкендъ—солнечный городъ и Сами-Сы-Ганъ китайцевъ, переживъ вѣка, пришли въ упадокъ, но на ихъ мѣстѣ при русскомъ владычествѣ вновь выросъ новый торговый городъ, имѣющій большое будущее, благодаря своему географическому положенію, которое еще болѣе усилится, когда онъ будетъ соединенъ желѣзною дорогою съ Термезомъ на Афганской границѣ и будетъ служить посредникомъ въ русско-афганской торговлѣ. Въ настоящее время открытая здѣсь главная складочная таможня выпускаетъ на нѣсколько милліоновъ рублей чая, провозимаго транзитомъ черезъ Батумъ и благодаря этому Самаркандъ превра-

тился въ центрѣ чайной торговли въ Средней Азіи, не утративъ также и своего значенія въ отношеніи религіозномъ и просвѣтительномъ, такъ какъ и понынѣ, насчитывая до 60 тысячъ жителей, имѣеть около 100 мечетей и болѣе 20 медресе.

Развѣтвляясь десяткомъ крупныхъ арыковъ и безчисленную сѣтью мелкихъ, широко раскинулась ирригаціонная сѣть, получающая воду Заравшана. Необозримыя обработанныя поля видѣются со всѣхъ сторонъ, указывая на широкое развитіе земледѣлія. Пшеница, ячмень, джунгара и огромные участки съ огородными овощами даютъ почти ежегодно колоссальные урожаи. Но спросъ на хлопокъ и большія выгоды отъ его посѣва привлекли населеніе къ его культурѣ и въ настоящее время мало по малу хлопокъ началъ вытѣснять все остальное какъ въ самой Самаркандской области, такъ и въ прилегающихъ къ ней по Заравшану бухарскихъ владѣніяхъ. И надо думать, что хлопководство имѣеть здѣсь всѣ шансы на дальнѣйшее развитіе, давая населенію крупный доходъ, благодаря постояннымъ высокимъ цѣнамъ и обильнымъ урожаямъ.

Солнце свѣтило ярко, отражаясь въ рѣкѣ и въ хоузахъ, встрѣчавшихся почти около каждой сакли.

Развѣсистыя деревья и безъ листвы давали густую тѣнь.

Мѣстами въ кишлакахъ попадались небольшіе базарчики изъ трехъ-четырехъ лавокъ и чай-хане, увѣшанныхъ связками краснаго перцу и луку съ цѣлою массою дынь, подвѣшенныхъ въ сѣткахъ изъ камыша къ потолку.

По дорогѣ все время встрѣчались туземныя арбы съ колесами около сажени въ діаметрѣ. Сидя верхомъ на запряженной въ оглобли лошади, всадникъ управлялъ этимъ своеобразнымъ экипажемъ, издававшимъ рѣзкое скрипѣніе. На нѣкоторыхъ изъ арбъ поставлены были разукрашенныя кибитки, изъ за которыхъ слышался говоръ и женскій смѣхъ. Порою полотно, закрывавшее кибитку, слегка поднималось и изъ за него мелькали смуглыя руки, а иногда выглядывало красивое личико съ темными бойкими глазами и, не обращая вниманія на ѣдущихъ степенныхъ мусульманъ, провожало насъ шумнымъ смѣхомъ и остротами.

— Смотри, тюра, назадъ будешь ѣхать, ко мнѣ въ гости приходи, кричала одна красивая дѣвушка, высунувшись совершенно всѣмъ тѣломъ изъ кибитки.

— А гдѣ ты живешь? Я вѣдь не знаю, вступая въ разговоръ, подѣхалъ я къ кибиткѣ.

— Спроси Калямъ-биби, всякій знаетъ, размѣялась красавица, стрѣляя глазами.

— У насъ весело, высунулась другая. Приходи въ гости.

Старый сѣдобородый узбекъ, наѣхавшій на насъ сзади, внимательно осмотрѣлъ женщинъ своими злыми, будто ястребиными, глазами, а затѣмъ, плюнувъ, сердито отвернулся, пробормотавъ какое то ругательство.

— Чего, мулла, не смотришь, приходи и ты въ гости... Вѣдь знакомъ человѣкъ, часто бывалъ...

— Кто это? спросилъ я, указывая на арбу.

— Такъ вольныя дѣвушки. Мужей не имѣютъ и живутъ сами по себѣ, уклончиво отвѣтилъ Нуретдинъ, плотноядно посматривая на высунувшуюся изъ арбы женщину. Въ пайкобакѣ въ Самаркандѣ живетъ.

Самаркандскій пайкобакъ представляетъ собою публичный домъ изъ туземныхъ женщинъ, насчитывающій, какъ говорятъ, болѣе 2 тыс. женщинъ. Въ ханское время явной регламентированной проституціи не существовало, но, съ приходомъ русскихъ, публичные дома получили права гражданства, являясь излюбленнымъ мѣстомъ, куда туземцы собираются поѣсть палау, выпить чаю и поухаживать за очаровательницами, посмотрѣвъ при этомъ на ихъ пляску и послушавъ пѣніе. Мусульманскій шаріатъ относится крайне строго къ проституціи, но муллы обходятъ законъ, запрещающій женщинамъ ходить съ открытыми лицами, и, взимая въ свою пользу большія суммы, разрѣшаютъ это при условіи, чтобы женщина была одѣта въ халатъ мужского покроя. Независимо этого, нѣкоторые предприимчивые туземцы практикуютъ особый способъ, къ которому даже строгій мулла не можетъ придраться, а именно, женясь на четырехъ женахъ, открываютъ затѣмъ публичный домъ, какъ бы на законномъ основаніи, торгуя ими.

Свободная вольная жизнь въ значительной степени способствуетъ тому, что встрѣчаются случаи, когда дѣвушка или замужняя женщина скрывается изъ своего дома и затѣмъ поступаетъ въ пайкобакъ...

Земли Самаркандской долины оканчивались и впереди разстилался Міянкаль, большей своею частью входящій въ составъ Бухарскихъ владѣній.

Д. Логофетъ.

